Елена
Колядина
Ангел, вышитый
крестиком

Елена Владимировна Колядина

Ангел, вышитый крестиком (сборник)

Текст предоставлен автором.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6604119

Аннотация

Все кончено, думала каждая из героинь этих историй. Потому что он ушел. Потому что теперь обнимает другую и ей говорит слова, которые шептал тебе. Несчастная любовь, безответная, любовь-предательство и любовь-сплошная-ложь-от-начала-до-конца. Они поняли, любовь это сон, всегда исчезающий под утро, и самое большое несчастье. Но почему же так хочется вновь пережить его! И как найти в себе силы пожелать любимому счастья? А может, нужно поделиться своим нерастраченным чувством с тем, кому еще тяжелее – с маленьким ангелом, встреченным на пути, который так ждет свою маму!

Содержание

Вязаное счастье 4
Два билета на ковер-самолет 6
Белый танец под черным небом 8
Запас слов 10
Приют одиноких сердец 12
Серебряная река 14
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Елена Колядина
Ангел, вышитый крестиком
Рассказы о любви до слез

Вязаное счастье

Марина легла и обняла свитер мужа, как малыши обнимают любимого медвежонка – замурзанного, со скатавшейся ниткой, засохшим пятнышком томатного сока и дырочкой в боковом шве. Она вдохнула родной запах и принялась плакать. Марина не признавалась себе, что плакать мучительно приятно. Разве может быть наслаждение в слезах? И страдала от того, что с каждым днем запах истончался, слабел, и теперь уже свитер больше отдавал пылью и овечьей шерстью, чем телом мужа. Она не стирала его целую осень и всю зиму, потому что… Потому что кто из брошенных женщин не обнимал и не вдыхал аромат футболки или джемпера любимого мужчины?

Нет, конечно, Дима ее не бросил. Он ушел, потому что так сложилась судьба, и он ни в чем не виноват. Он же мужчина, а она не смогла дать ему того, что обязана дать женщина – сына или дочь. Он хотел, чтобы все было, как создано небесами – двое просто любят друг друга, а потом она говорит: «У нас будет ребенок». А с ней, с Мариной, приятное и естественное дело превратилось в цепь технических мероприятий, занявших аж семь лет! Сперва она боялась забеременеть – хотела получить диплом о втором высшем и найти денежную работу, а с ребенком кто на хорошую должность возьмет? – и мужу приходилось вечно думать «как бы чего не вышло». Потом решила, что пора, и стало еще хуже. После каждого объятия она принималась размышлять, забеременела или нет? Или вдруг это будет мальчик, а не девочка, как ей хотелось? А как они его назовут? Где поставят кроватку? В какой кружок будут водить на дополнительные занятия? А, может, в студию раннего развития по системе Монтессори?

– Ладно, фигурное катание или английский, там видно будет. Главное, чтоб здоровенький родился, – прижавшись щекой к плечу мужа, вслух мечтала Марина.

Но каждый месяц надежды рушились. Марина выходила из ванной, пряча заплаканные глаза. Опять ничего не получилось… И если сперва она напоминала мужу по телефону: «Тест не забудь купить», то потом стала заходить в аптеку сама, тайком, и дожидалась, пока Дима уйдет из дому, прежде чем взглянуть на полоски и опять убедиться, что вторая не появилась.

Дима злился. Ему хотелось страстного секса, а не комплекса упражнений: «Нет-нет, эта поза неудачная для зачатия! Нет-нет, теперь я должна полежать спокойно. Нет, не сегодня – завтра самый благоприятный день». Потом пошли витамины по схеме, анализы, УЗИ. Самое смешное, что он-то как раз еще и не думал о детях: «Мариша, пусть все будет, как будет». Но она постоянными мыслями, разговорами, действиями, вертевшимися только вокруг ее цели, напугала и разозлила его. Но самое отвратительное началось, когда Марина объявила, что они должны попасть в региональную квоту на ЭКО. Он пришел в ужас от этого слова – экстракорпоральное оплодотворение. И не выговорить! Больше всего его бесило, что все решалось без него.

– Дима, я созвонилась с центром, нас ждут на обследование. Ты сможешь взять на работе день?

– Я никуда не поеду, – сказал он и положил трубку.

Марина примчалась домой разгневанная.

– Как это ты никуда не поедешь, если я уже договорилась?! Там шанс более шестидесяти процентов. Если сейчас не попадем в список, тоже самое придется делать за деньги!

– А что потом, если в эти шестьдесят процентов не попадем? Суррогатное материнство? Я устал чувствовать себя ничтожеством, которое даже ребенка нормальным способом сделать не может…

Он ушел в понедельник. Просто оставил под зеркалом в прихожей – она даже не сразу ее заметила – записку, и ушел. Марина знала – живет у матери. А в Новый год добрые люди сообщили: «Твой-то квартиру снял, женщина появилась, кажется, вместе работают». Она со страхом ждала известия о том, что «сожительница» ждет от мужа ребенка и с ненавистью шептала: «Хоть бы не забеременела!». А потом нашла в сети фотографию разлучницы, распечатала и, перекрестившись, яростно исколола ее живот скрепкой.

– Марина, так нельзя, ты себя всю съела, – вздыхала подруга. – Живешь слезами, воспоминаниями, злостью. Димка, конечно, подлец, но пусть хоть он будет счастлив!

В один из дней, когда снег начал бурно таять, Марина пошла с работы пешком – подышать воздухом, размяться, а то от компьютера шея уже не поворачивается, и в глазах песок. Остановившись перед светофором, увидела объявление на стене цветочного павильона. Прочитала мельком: «Дорогие женщины! Дому ребенка нужны вязаные шерстяные носочки в резиновые сапоги для детей от 1 года до 3 лет. Служба «Милосердие». Контактный телефон…». Перешла на другую сторону проспекта. А потом побежала назад, расталкивая спешивших навстречу пешеходов.

– Дура! – крикнули из кабины автобуса. – Куда лезешь!

Марина оторвала от объявления трепыхавшийся язычок с номером телефона и пошла, радостно улыбаясь.

Дома она вытащила из шкафа свитер мужа, прижала его к лицу, а потом решительно засунула в стиральную машину.

Из распущенной шерсти – выстиранная пряжа распушилась, стала мягкой и вкусно пахла «Ленором», – получились восемь пар носочков. Мысочки Марина связала из других ниток – купила два ярких моточка: желтый и красный.

Через неделю вместе с еще тремя женщинами она стояла на крыльце Дома ребенка.

– Входите, пожалуйста! – сказала директор. – А вот и наши детки. Ребята, поздоровайтесь с гостями, они вам подарки принесли – новые носочки. Выходим в раздевалку, не бежим, осторожно идем. Сейчас все оденемся и пойдем гулять!

Беленькая, как ленок, маленькая девчушка кинулась к Марине и обхватила ее за колени. Марина присела и взглянула в серые глаза с белесыми ресничками.

– Ты ко мне пришла?

– К тебе, маленькая. Как тебя зовут?

– Аня.

Девочка обняла Марину за шею, потом потрогала ее щеку, ворот джемпера, прядь волос и сказала:

– Ты красивая! У тебя беленькая кофточка. Ты вкусно пахнешь. Ты хорошая. Ты мама?

– Не знаю, – растерянно сказала Марина, чувствуя, как набегают слезы, и полезла в сумку. – Я тебе носочки связала.

– Красивые! А меня вязать носочки научишь?

– Обязательно, моя родная! И носочки, и варежки, и кофточку.

Два билета на ковер-самолет

– Зачем тебе это старье? – Егор бросил связанный скотчем ковер в багажник и отер ладони, словно пришлось держать что-то грязное. – Мало у нас дерьма в доме!

Настя виновато молчала. Да, чужие вещи – в коробках и «россыпью», громоздились в прихожей. И на лоджии тоже. И даже – слава богу, любимый об этом не знал – под их кроватью.

– Склад какой-то! Вшивый рынок! – злился Егор, повалив в потемках очередную набитую сумку или пластиковый мешок.

– А старухами-то воняет! – скривился он, когда, закрыв багажник, они с Настей сели в машину.

Действительно, в салоне явственно запахло корвалолом и чем-то чистеньким, но бедным: смиренным прозрачным тленом, «смертным» – платочком, чулками со штанишками и платьем, приготовленными на собственные похороны.

Настя снова виновато-просяще поглядела на Егора.

Ковер – единственная вещь, которую она взяла из бабушкиной комнаты. Но разве объяснишь кому-нибудь, почему?

– У тебя паранойя, – сказал бы Егор, попытайся она рассказать всю эту историю… – Лечиться пора.

«Может, и пора», – вздохнула Настя.

– Этот ковер мы с твоим дедом из Молдавии привезли, – бабушка протянула исхудавшую, в синяках от капельниц руку и дотронулась до темных, местами поредевших нитей. – После свадьбы поехали в Кишинев и там с рук на толкучке купили.

Она заулыбалась, даже хихикнула, и смущенно поглядела на Настю.

– И на этом ковре вы занимались сексом, – засмеялась Настя.

– Ох, бессовестная! – довольно лицемерно воскликнула бабушка. – Разве можно незамужней девушке так говорить? Мы раньше и слова-то такого не знали. И ничем на этом ковре не занимались, потому что он висел на стене. Должна была родиться твоя мама, а в нашем бараке так дуло, что по утрам под порогом половик примерзал к полу, – она неожиданно замолчала, а потом твердо сказала: – Когда я умру… Молчи! А я умру скоро. Выбрось из комнаты весь этот хлам. Возьми только ковер. Обязательно возьми! Когда будут мучить сомнения, а обратиться не к кому, и не с кем посоветоваться – с твоим-то Егором поделиться сокровенным невозможно, я знаю – просто посмотри на этот ковер. И ничему не удивляйся!

Настя хотела повесить ковер на стене над диваном, но Егор сказал, что не собирается смотреть телевизор, вдыхая аромат старушечьей богадельни.

– Как на кладбище! Хоть бы в химчистку сдала! – с досадой бросил любимый.

– Хорошо, – согласилась Настя и положила ковер на старинный венский стул в кухне. Готовила ужин и поглядывала на узор, хоть и угловато, схематично, но изображавший деревья и цветы.

«Бабушка, тебе хорошо сейчас? Ты встретилась с дедом?» – мысленно спросила у ковра Настя. И вдруг птица на ветке орешника встряхнула клювом, словно собралась издать веселую трель, а цветок мальвы явственно стал больше и ярче! Настя вздрогнула и уронила в сковороду металлическую лопатку, которой переворачивала кусочки рыбы в кляре.

– Ну чего, скоро там? – перекрывая шум телевизора, крикнул из комнаты Егор. – Сдохнешь, пока твоего ужина дождешься! Надо было пиццу заказать, давно бы уже привезли.

– Да-да, пять минут, – невпопад отозвалась Настя, подхватила лопатку, судорожно включила вытяжку, обернулась к ковру и шепотом спросила: – Егор хоть немного меня любит?

Виноградная лоза на ковре медленно поникла, а с розы посыпались лепестки.

В субботу Настя заказала такси и повезла ковер в химчистку. На сайте химчистки было сказано, что старый ковер осмотрит специалист, аж кандидат искусствоведения, и даст советы по реставрации.

– Максим Васильевич! – позвала приемщица, когда Настя спросила про искусствоведа.

К стойке вышел мужчина лет тридцати в очках, джинсах, вязаном джемпере и улыбнулся Кате.

– У меня тут волшебный ковер, – вдруг весело сказала Настя. – 50-х годов прошлого века. Взгляните, пожалуйста.

– С удовольствием, – Максим Васильевич внимательно поглядел на изнанку, затем развернул полотнище. – Нет, это гораздо более старое изделие. В двадцатом веке молдавские узоры приобрели черты упадка, краски были ядовито-анилиновыми, фон – черный. А у вас, видите, дерево опирается на корень, но веток нет, листья и цветы растут прямо из ствола, а цвета – теплые, мягкие. По технике ткачества молдавские ковры относятся к гладким, безворсовым. Неплохой экземпляр. Не музейный, конечно, но замечательный.

– А вы в музее работаете?

– Да, заведую отделом ковров и гобеленов в государственном музее декоративно-прикладного искусства, а по выходным дежурю в химчистке – иногда приносят редкие изделия, даже антикварные, тогда уговариваю хозяев передать или продать их на хранение в нашу коллекцию.

– Какая интересная у вас профессия!

– Пока не жалею. А вы чем занимаетесь?

– Я – человек финансово неуспешный, незаметный, – со вздохом сказала Настя. – Работаю в благотворительной организации: принимаю вещи, которые мы потом через наш склад передаем нуждающимся. Иногда вещи приносят мне домой. Человек, с которым мы вместе живем, просто бесится – недавно не пустил женщину, которая привезла детскую кроватку, а это такая востребованная вещь у одиноких мамочек! У нас на лоджии сейчас две детские ванночки, трехколесный велосипед, мешок постельного белья и коробка обуви.

– А могу я у нас в музее бросить клич на сбор вещей?

– Было бы здорово. Только вещи нужны почти новые, чистые, приоритет – детским кроваткам, коляскам и одежде для мужчин. Туфли на шпильке и вечерние платья, к сожалению, не нужны – не востребованы у многодетных и социально незащищенных.

– Все понял. Оформляем ваш замечательный ковер в чистку? – Максим Васильевич с улыбкой начал складывать полотнище.

– Да, – сказала Настя. – Ой, подождите, секундочку.

Она поглядела на узор и быстро прошептала: «Это он, моя половинка?».

Затрепетали листья орешника, роза стала белоснежной, а птица на ветке залилась радостной трелью.

На улице Настя взглянула на все еще сжатую в руке квитанцию и засмеялась. ФИО заказчика, адрес, телефон. Изделие: ковер-самолет, двухместный. Степень загрязнения: чище чистого. Дефекты: нет. Особые отметки: есть два билета на выставку французских гобеленов. Идем?

Белый танец под черным небом

Всю ночь шумел океан, и венчались в черной бездне золотистые звезды, ставшие под утро бледно-зелеными. Лента зари, разгораясь, заливала розовой дымкой заросли цветущих бугенвиллий, оплетавших бунгало, облаками лежавших на каменной ограде. Огромные розы, только что политые садовником, роняли тяжелые капли на зеленый газон, вода с шумом била из шланга по дорожкам и с шорохом – по стволам пальм с гроздьями рыжих плодов.

Марина проснулась, и, не открывая глаз, окунулась в безмятежные запахи и звуки. Кто-то уже с шумом бросился в бирюзовый бассейн. Запахло кофе и сдобным хлебом. И – Марина знала наверняка – весь сад был усыпан лимонами и мандаринами! Откуда она могла об этом знать? Ведь на море ни разу за всю прежнюю жизнь не бывала, белый песок со склоненными пальмами видела только по телевизору, в рекламе шоколада и шампуня. Марина тихо встала, проскользнула на балкон и, смеясь от счастья, посмотрела вниз. Вот же они, мандарины, висят на деревьях, как новогодние игрушки! А в траве – лимоны!

Медовый месяц на островах, на берегу океана – еще год назад Марина даже мечтать о таком не стала бы: нужно жить реальной жизнью и по одежке протягивать ножки. Хотя бы один раз побывать на море, пусть недалеко и недорого, в Абхазии или Крыму – даже такой отпуск был бы для нее желанным. Но жизнь, долго относившаяся к ней равнодушно, вдруг вспомнила, покаялась, оглушила заботой и любовью, завалила подарками.

Марина была швеей, шила шторы. Если бы ее жизнь была сказкой, про нее, Марину, сказали бы нежно – златошвейка. Из-под ее волшебной иголки и швейной машинки-фокусницы струились фалды занавесей для маленького самодеятельного театра, кружились складки штор для детского кафе и бурными волнами набегали ламбрекены для городского загса. Вот только платили за неповторимые изделия – почти «хэнд-мейд», ручная работа, значит – мало. Потому что, собственно говоря, обитатели маленького городка заказывали, что подешевле, попроще, в рамках бюджета, недорого. Марина вздыхала и соглашалась, а потом ночи не спала, придумывая за копейки небесную роскошь для музыкального зала детского сада или стильные украшения для школьных окон. А год назад принесла цветочную райскую арку, сшитую из шелка, для украшения холла детского дома. Сшила бесплатно – у сирот какие деньги? К тому же на цветы из шелка пошли всякие разные лоскутки и обрезки. «Ерунда», – смущенно отмахивалась Марина от благодарностей директора.

– А вот еще один наш благотворитель, – сказала директор, когда к крыльцу детдома подъехала «Газель», и мужчина в кроссовках и джинсах начал вытаскивать из кузова ящики с яблоками и канистры с медом. – Чтобы мы без вас делали, Женечка, дорогой! А посмотрите, какую бесценную вещь нашим деткам Мариночка преподнесла!

– Вы два месяца шили эти цветы, чтобы просто подарить детям? – удивился Евгений, когда после концерта в честь «друзей, жертвователей и дарителей», которые сидели перед сценой на детских стульчиках, они вместе вышли в холл.

– Это же все из лоскутков, – опять начала объяснять Марина, теребя шелковые вьюнки с гроздьями кружевных розовых бутонов. – Обрезки всякие, остатки. Просто увидела в интернете фотографию: океан, розы, бугенвиллии, и захотелось хоть кому-нибудь эту красоту подарить.

Марина на цыпочках проскользнула назад, в комнату с белоснежной мебелью и лепестками на ковре. Персонал отеля, узнав, что прибыли молодожены, украсил постель сердцем, выложенным из орхидей. А еще новобрачных ждало шампанское в ведерке и блюдо невиданных фруктов: кроме банана Марина ни одного из ароматных плодов не то что не ела, а в жизни не видела!

– И все это благодаря тебе, любимый мой, – прошептала она мужу.

– Нет, без тебя ничего бы этого не было, – Евгений схватил руку Марины и притянул жену к себе. – Иди сюда…

– А, так ты не спишь, притворяешься!

– Да, хотел заманить в свои объятия самую прекрасную и желанную!

Он с такой силой сжал Марину, что она застонала… А потом принялся медленно осыпать поцелуями все ее тело так, что она дрожала от желания. Они сбросили на пол подушки, а потом упали следом, желая, чтобы ложе стало огромным, и слились воедино, сминая на ковре хрупкие белые лепестки, пахнувшие ванилью. Потом оба в изнеможении лежали на полу и смотрели сквозь стеклянную столешницу на огненный фрукт, скатившийся с блюда.

– Как я жил без тебя?

– Ты – неплохо. А вот как я жила без тебя?

Они так и не вышли из номера. Лишь к вечеру, когда в парке перед отелем началась развлекательная программа и загремела музыка, Марина сказала: «Белый танец, дамы приглашают кавалеров!» – и потащила мужа на балкон. Они медленно покачивались, крепко прижавшись друг к другу, и смотрели на черное бархатное небо, и слушали грохот набегавших в темноте волн.

– Чем завтра будем заниматься? – прошептала Марина.

– Тем же, чем и сегодня! – засмеялся Евгений.

– А послезавтра?

– Тем же, чем и завтра.

– Согласна, – с улыбкой сказала Марина. – Но давай, все-таки выберемся в город, должны же мы купить подарки внукам. Ты своему что купишь, дедушка?

– Как всегда, машинку. А ты своим, бабушка?

– У меня тоже без вариантов – кукол. И еще хочу поискать какую-нибудь интересную ткань, – Марина виновато поводила ногтем по руке мужа. – Для детдома… Они там задумали по-новому оборудовать комнату отдыха, сделать кухню, как в обычной квартире. А я пообещала сшить скатерть, салфетки и занавески.

Запас слов

Крошечные коготки уцепились за подушку, прошагали к Катиному плечу и нырнули в волосы. Катя потрясла головой сквозь сон. По лицу махнуло крыло, а маленький палец попытался открыть Катин глаз. Катя застонала и приподняла голову с подушки. Две пары глаз – серые, чуть припухшие, и мелкие бусинки – молча смотрели на нее.

– И чего хотим? – хриплым со сна голосом спросила Катя. – Уйдите оба отсюда! Играйте в своей комнате, – Катя сердито взмахнула рукой. – Кыш! Пошли прочь!

Обладатель серьезных серых глаз испуганно отпрянул, и изумрудный волнистый попугайчик суматошно заколотил крыльями, пытаясь удержаться на его плече. Наконец, он, помогая себе клювом, уцепился за воротничок детской рубашки и возмущенно загорланил:

– Катя плохая! Плохая! Гоша хор-роший мальчик! Кеша хор-роший мальчик! Катя плох-хая!

Гоша, опустив плечи, побрел к двери. Кеша покачивался на его плече, то теребя клювом мочку торчащего уха, то пощипывая белесую бровь. «Кеша любит Гошу», – услышала Катя. Уже в прихожей попугайчик встрепенулся и гневно – Катя руку бы дала на отсечение, что выражение его бусинок было именно таким – оглянулся на хозяйку.

Катя вздохнула и пошла следом – умываться и кормить завтраком недоразвитого ребенка, от которого все равно толку не будет, только крест на всю жизнь.

– Я дрянь последняя даже в глазах попугая! – возмущенно сообщила по телефону Катя подруге, пока Гоша ел омлет, а Кеша выгрызал, придерживая лапкой, половинку ореха из скорлупы.

Подруга сочувственно молчала. Катя глянула на Гошу, вышла из кухни и понизила голос. – Ну не могу я полюбить чужого ребенка! Его даже мать родная видеть не хочет, а от меня ждут христианского участия!

– Но ты ведь его отца любишь? – примиряюще сказала подруга.

– Люблю. И что? Любишь хозяина, люби и его собаку? Прости меня, грешную!

– Может, тебе нужно переосмыслить ситуацию? Легкая форма аутизма – это не трагедия. Такие дети часто берут другим. Может, он будет выдающимся математиком или пианистом?

– Какая математика? Он в четыре года до сих пор не говорит!

– А как он может говорить? С ним же никто толком не занимается.

– Ага, опять, значит, я виновата! – возмутилась Катя.

Отца Гоши, летчика полярной авиации Николая Сурова, Катя встретила в кафе гостиницы в аэропорту Архангельска, где коротала двое суток из-за нелетной погоды. За эти два дня Николай скупил всю «Рафаэллу» в баре, все розы в цветочном киоске, большую часть ассортимента сувенирного магазинчика, даже в церковной лавке ухитрился потратиться, надев на шею Кате золотую цепочку с медальончиком Богородицы. Он бы сорил деньгами и дальше – но на этом перечень торговых точек аэропорта закончился. Через месяц он сделал Кате предложение руки и сердца. И вдруг этот ребенок!

– Ну правильно, за все надо платить, – жаловалась Катя подруге.

– А мать этого Гоши где?

– Ребенка она высудила, чтоб алименты с Николая драть. А сама работает технологом на плавучей рыбообрабатывающей базе, какие-то консервы они там делают, бычков в томате. Дома бывает раз в месяц. Николай в рейсах. А я – крайняя. И что дальше с этим ребенком делать? В обычную школу не возьмут, это точно. У него запас слов… Да и те не говорит. Кеша мой больше знает! Когда мы вдвоем, я, честно говоря, к нему и не подхожу.

Они с Кешей сидят перед телевизором или бродят по комнатам. У Гоши такой круг интересов ограниченный – часами тупо на машины в окно с Кешей глядит.

Бросив телефон на диван, Катя зашла в ванную и включила горячую воду. Последнее, что она услышала – хлопок и шум вырывающегося из титана пара. Она повалилась на пол, срывая карниз со шторкой, за которую попыталась схватиться.

Очнулась Катя в больнице. С недоумением посмотрела на сидящего возле кровати Николая. Перевела взгляд за его спину – возле окна стоял Гоша и сосредоточенно смотрел вниз.

– Титан взорвался. Тебя «скорая» привезла.

– «Скорая»?

– Гоша с Кешей вызвали, – поводя глазами, словно все еще сомневаясь, сказал Николай.

– Что?

– Я сам не поверил. Но в диспетчерской все вызовы записываются на магнитофон. Мне дали переписать.

Николай достал мобильник и включил воспроизведение.

«Скорая помощь. Слушаю вас, говорите, – услышала Катя деловитый женский голос. – Что у вас случилось? Говорите!» – «Это Гоша Суров. Катя упала и лежит на полу. Катя хорошая! Гоша любит Катю!» – «Не плачь, малыш! Успокойся и скажи, где ты живешь?» – «Тут трамвай номер 7 и автобус номер 202. А на второй стороне улицы на доме российский флаг. В доме четырнадцать этажей. На первом этаже тридцать окон, а на четырнадцатом этаже восемь окон. Перед домом двенадцать черных машин. На первой черной машине номер 001…» – «Ясно, администрация правительства области. Дом ваш найдем, Гоша, а номер квартиры ты знаешь?» – «Сейчас у Кеши спрошу. Кеша, какой номер нашей квартиры? Кеша говорит – квартира 109. Сто и девять».

В мобильнике зашуршало и затихло. Катя перевела взгляд на окно, где все так же сосредоточенно стоял Гоша. Фигурка сына начала дрожать и двоиться, а потом стала ясной, умытой слезами, которые все текли и текли из Катиных глаз.

Приют одиноких сердец

«Папа, мне так одиноко», – прошептала Поля.

«Ты же не одна, у тебя есть я, и мама. Мы всегда рядом, к тому же ты уже большая девочка. А большие девочки не боятся оставаться одни»

«Я боюсь… Папа, мне так плохо одной!»

«А давай как в детстве: польку весело станцуйте, не жалея ног и рук!»

«Ты все смеешься, а мне очень грустно! Ну почему я одна, папа?»

«А ты приюти кого-нибудь».

«Приютить?»

«Да. И станет вас двое. А там, не успеешь оглянуться, и трое. Хватит плакать! Ты же у нас с мамой самая веселая Полечка на свете».

Поля посмотрела в окно – снег, выпавший аж в октябре, хоть и растаял на дорогах, но лежал на кровлях домов, на верхушках кустов с подмерзшими алыми ягодами, на провисшей крыше пустого и холодного летнего кафе. И обещал долгую-долгую зиму. Темную, одинокую зиму без Ивана. «Приютить кого-нибудь!» Кого, дорогой папочка? Поля снова глянула за окно, во двор. На карниз с шумом свалился подтаявший снег, Поля вздрогнула от неожиданности, и вдруг увидела возле огромного мрачного контейнера для крупногабаритного мусора крохотного котенка. Даже издали было видно, как он дрожал и открывал ротик, беззвучно мяукая. Поля бросилась в прихожую, сунула босые ноги в кроссовки и, не надевая куртку, как была, в домашнем костюме, вылетела на улицу. Котенок – некрасивый, большеголовый, пытался сесть, но не мог найти сухого места, и поджимал тонкий хвостик между лапок.

– Ах ты, малыш! – задохнувшись от нежности, прошептала Поля и подхватила найденыша на руки. В ладонь и на рукав бархатного костюма с лапок упали комки грязной снежной каши, но Поля лишь стряхнула их и прикрыла спинку котенка рукой.

Лифт оказался занят, и Поля пошла по лестнице пешком. Возле мусоропровода на третьем этаже стоял выставленный кем-то за ненадобностью горшок с цветком – листья поникли, земля превратилась в сухой ком.

– Папочка, ты, кажется, говорил, что нас станет трое, – обращаясь к котенку, засмеялась Поля. – Ага, сбывается. Ну что, Найденыш, берем цветок?

– Мяу! – согласился Найденыш и лизнул Полин палец.

В воскресенье Поля приютила еще двоих – валявшуюся на скамейке разбухшую от сырого снега книгу и обломленную ветку снежноплодника. Книжка весь вечер грелась на батарее, а снежноплодник жадно пил воду из старой синей бутылки и посматривал на ожившый в горшке цветок. К концу недели пришлось приютить старинную колотую чашку и золотую рыбку в маленьком круглом аквариуме – и чашка, и рыбка надоели соседке с шестого этажа, не вписались в новый дизайнерский ремонт. Кружку Поля склеила, а рыбке купила кустик плавучей зелени. И клей, и водяную зелень пришлось покупать на последние деньги, да еще Найденыш оказался весьма прожорливым и привередливым, даром, что на помойке хозяйку встретил.

«А сколько на ветеринара денег ушло, лучше не спрашивай!» – шептала Поля папе, пытаясь накапать в рот котенку дорогущие витамины.

Затем приюта попросили выброшенные кем-то детские санки. Поля заново покрасила их веселой желтой краской и сшила из пестрых лоскутков подстилочку на сиденье. Санки, вместе с отмытой и обшитой куклой, с восторгом приняли внуки консьержки, мать которых год назад уехала искать свое счастье, да так и не вернулась. Золотую рыбку Поля подарила детской библиотеке, у них там в комнате для игр как раз рыбки не хватало. Когда Поля при-

ютила волнистого попугайчика, распустился первый бутон на цветке, который она спасла от мусоропровода. А ветка снежноплодника обещала стать пышным кустом!

Однажды на форуме Поля увидела призыв: «Кто сможет приютить на две недели ящерицу». Поля вздохнула – ох, ящерица! Не съест ли она волнистого попугайчика? Но написала: «Я могу. А чем ее кормить?». Вечером в домофон позвонили, и через минуту в дверях Полиной квартиры стоял парень в клетчатой куртке с косо свисавшей на серые глаза каштановой челкой.

– Илья.

– Поля.

– А это моя Хитрюга, – Илья осторожно достал из сумки контейнер с ярко-зеленой ящеркой. Живот у Хитрюги был желтенький, глазки моргали изумрудными веками. Ящерка высунула язык и, сморгнув, ловко слизнула кусочек корма.

– Мне всего на две недели надо уехать, – оправдывался Илья. – Вы меня так выручили!

А через две недели, как раз в конце ноября, Поля и Илья приютили Лето и в их маленькой семье надолго поселились тепло рук, жар сердец, горячее дыхание, ароматные цветы и душистые листья, терпкие травы и сочные плоды.

«Папа, кажется, нас скоро станет трое, – смущенно прошептала однажды Поля. – Маме скажи…»

«Конечно, обязательно скажу. Она будет так счастлива!»

Серебряная река

Бабушка поправила прядь волос и дотронулась до букетика цветов и перьев, элегантно лежавших на полях шляпки. Волосы у бабушки белоснежные, с серебром. А шляпка – нежно-фиалкового цвета, с плавным заломом на боку, и целой дизайнерской композицией на тулье: и стразы, и фетровое кружевце, и загадочный бутон.

– Арт-объект, – хмыкнула Алена и со смехом водрузила головной убор на макушку, а потом сдвинула на ухо. – Фик-фок на один бок!

– Ничего вы, молодые, не понимаете, – осерчала бабушка. – Привыкли к своим вязаным колпакам да капюшонам. Шляпка – это вещь вне моды, на все времена. Прошу похоронить меня в шляпке. В крайнем случае, положить шляпу рядом со мной. Хочу хоть на том свете побыть настоящей дамой. Находилась при жизни в спецовке и рабочем халате!

Ни в какой «тот свет» бабушка – атеистка, или как она выражалась, «комсомолка» – не верила. Химик по образованию, всю жизнь проработала в лаборатории водоочистных сооружений, и полагала за истину только результаты химических реакций. Пока была молодой и здоровой, заявляла, как и думала, решительно:

– Ничего ТАМ нет, все сгнием и в землю уйдем. А как постарела, заболела, принялась лукавить:

– Ты из-за мой кончины не переживай, я всегда, и на том свете, с тобой, Аленушка. Будет у тебя старая, но бодрая ангельша-хранительница.

Это она так говорила, чтобы Алену успокоить.

Шляпка фиалкового цвета стала новогодним подарком Алены бабушке. Вернее, выбирала сама бабушка, а Алена оплатила покупку, хотя бабушка и упиралась: «Ужас, какие нынче цены! Полпенсии за какой-то берет!». И даже ни в чем не повинную продавщицу укорила ворчливо:

– С ума вы сошли, девчонки, это сколько же старыми деньгами будет? Куда только правительство наше смотрит?

Продавщица виновато, словно извиняясь за все правительство, не сумевшее удержать инфляцию, переглянулась с Аленой, улыбнулась, поместила головной убор в самую настоящую круглую шляпную картонку, оклеенную бумагой с праздничным узором – еловые ветви, игрушки, блестки – и с легким поклоном вручила бабушке.

– Благодарю! – ответила бабушка.

Они вышли из магазинчика, почему-то пахнувшего имбирем и корицей, на улицу и медленно пошли вдоль набережной.

– Ну вот и застыла река моей жизни, – сказала бабушка, когда они остановились на ступеньках возле заледеневшей чугунной ограды, где летом причаливали яхты и парусники. – Встала намертво.

Алена взглянула на заснеженную реку с желтоватыми ледяными торосами у опор моста, на свинцовую промоину.

Этот спокойный и широкий поток бабушка называла «рекой всей ее жизни», потому что больше сорока лет ежедневно делала анализ ее воды. От его результатов зависело, как и в каких количествах использовать реагенты для очистки. Весной, когда уровень воды поднимается – это одно дело, жарким летом, когда вода вовсю «цветет» водорослями – другое. С детства Алена столько всего слышала про воду! По словам бабушки выходило, что вода самое удивительное вещество на земле: всеобщий растворитель, основа жизни, жидкая, но твердая – если ударить рукой по поверхности. Каких только рассказов не наслушалась Алена про любимую бабушкину воду и их реку, плавной петлей огибавшую город.

– Бабушка, не говори ерунды! – рассердилась Алена. – Зима пройдет, и вновь потечет твоя река.

Не потекла… Алена примчалась в больницу, когда бабушки уже не стало. Металась по отделению.

– Девушка, вы куда?! – кричала вслед санитарка. – Кто разрешил? К нам вообще без бахил нельзя!

Дернулась в ординаторскую. Из-за письменного стола поднялся молодой доктор – виноватое лицо, уши торчат, как у мальчишки. На кармане куртки бейджик: «Алексеев Кирилл Сергеевич, врач 2 отделения»

«Как вы людей лечите?!» – хотела закричать Алена, но осеклась. На столе возле телефона на журнале «Кардиология» лежала шляпка нежно-фиалкового цвета.

Алена дотронулась до стразов, погладила перышко.

– Вот, – сказал доктор. – Пациентка поступила в халате и домашних тапочках, но с головным убором в руках. Никак не хотела отдавать. Первый раз в моей практике такой случай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.